

Менее чем через полчаса после прибытия на станцию Юдзуру был на грани паники. Он понимал, что это кажется иррациональным, но быстро шёл по самому прямому маршруту между домом Канадэ и станцией, которым она, предположительно, пользовалась каждое утро.

Что могло случиться по пути, тем более в светлое время суток, что помешало бы ей добраться до места их утреннего свидания?

Эта мысль заставила Юдзуру задуматься.

Паниковать не было никакого смысла. Но с колотящимся сердцем и пульсом, отдающимся в ушах, как барабанная дробь, он не мог заставить себя остановиться. Ужасное смещение эмоций только усилилось, когда он удалился от станции, не найдя Канадэ.

«Она просто опаздывает», — тихо и довольно неубедительно убеждали последние несколько рациональных нейронов в его мозгу.

«Что, если она в беде? Что, если я ей нужен?» — возразила менее рациональная часть с усмешкой, не желая поддаваться панике.

«Что, если ты паникуешь из-за пустяков и пугаешь её?»

«Заткнись!» — Юдзуру с досадой ударил себя по виску и застонал от боли, когда пронзило болью.

Все его усилия уходили только на то, чтобы удержаться от того, чтобы броситься наутёк, а причинённая самому себе головная боль была совершенно ненужным отвлекающим фактором. Юдзуру решил просто отложить это в долгий ящик и сосредоточиться на том, что он делал.

Это была отчаянная битва за то, чтобы полностью примирить его внутреннее «я» и решающий проблемы разум — непростая задача, когда эмоции так давили, а здравая часть говорила вещи, которые он просто не хотел слышать.

Его рациональность была настолько оторвана от его действий, что он не сразу заметил окружающее, когда свернул за угол на улицу, где находился дом Канадэ. Только когда ноги остановились, осознание наконец настигло, сопровождая его в драгоценные мгновения всего пути от станции до этого места.

Если бы он не столкнулся с Канадэ по пути, это означало бы, что она всё ещё должна быть дома... Верно?

Юдзуру потребовалось удивительное количество силы воли, чтобы привести своё тело в движение, дрожащей рукой отомкнуть калитку и пройти в сад. Это была обычная прямая дорожка, вымощенная бетонными плитами неправильной формы, уложенными через равные

промежутки. Она вела через аккуратно подстриженную лужайку перед домом.

Он провожал Канадэ до её дома в конце каждого дня, который они проводили вместе. Они прощались на улице, а затем расходились в разные стороны. Юдзуру всегда внимательно следил за тем, как она входит в дом, но он никогда не отваживался выйти в сад или подойти к двери дома.

Так было до сих пор.

С каждым шагом по плитам дорожки его охватывало всё более сильное беспокойство. Он волновался не столько из-за того, что шёл по лужайке, сколько из-за того, что его ожидало, когда он наконец дойдёт до дома.

«Что, если Канадэ не будет там? Что, если что-то плохое случилось между домом и станцией? Что, если?» — Юдзуру мысленно отругал себя за то, что подумал о худшем. — «Сосредоточься. Волнуйся о реальности, а не о "если"»

Подходя к двери и делая пару маленьких шагов на приподнятое крыльцо, Юдзуру позволил себе на мгновение подтвердить то небольшое самообладание, которое, как он чувствовал, ему удалось собрать. Было трудно сохранять контроль над всеми эмоциями, которые в данный момент захлестывали его чувства, но каким-то образом он справился. Он настойчиво постучал в деревянную раму двери так сильно, как только осмелился, не поранив костяшки пальцев.

Последовавшая тишина, казалось, растянулась почти на вечность. Так было до тех пор, пока он не услышал мягкие шаги босых ног по дереву, приближающихся к двери. Вскоре за ней появился силуэт. Юдзуру отступил на полшага, когда дверь начала открываться, надеясь выглядеть менее внушительно, чем заставляло его чувствовать отчаяние. Сердце забилось сильнее, когда перед ним появилось знакомое лицо, и дверь отъехала в сторону.

Нет, не совсем верно. В лице человека, стоявшего перед ним, было сходство, но это лицо слегка отличалось. Волосы были длинными и серебристо-белыми, стянутыми сзади и высоко удерживаемыми заколкой, украшенной бабочкой, хотя всё ещё ниспадали каскадом ниже плеч. Глаза были поразительно глубокими и ярко-золотистыми, хотя в них чувствовался возраст, которого не хватало глазам Канадэ — что-то вроде пресыщенности опытом. И когда она заговорила, голос был чуть глубже, чем когда-либо у Канадэ.

— Здравствуйте, могу я вам помочь? — спросила женщина, вопросительно оглядывая Юдзуру с ног до головы. Она придерживала дверь, не открывая её полностью, словно это был щит.

— Извините за вторжение, мэм, — слегка поклонился Юдзуру, пытаясь развеять её очевидные опасения по поводу его присутствия. — Канадэ дома?

Правая бровь женщины приподнялась, придав её лицу почти комичное выражение. Однако дверь приоткрылась ещё немного, хотя она всё ещё загораживала вход:

— А вы кто?

— Юдзуру, — объяснил он. — Юдзуру Отонаси.

Её глаза расширились от удивления, и Юдзуру подумал, что они могут выскочить из орбит.:

— Отонаси?

Он медленно кивнул. Перемена в поведении женщины была чрезвычайной и почти мгновенной. Дверь была полностью приоткрыта, и она отступила в сторону, указывая одной рукой вглубь дома:

— Пожалуйста, заходи. Канада всё рассказала мне о тебе.

Юдзуру снял ботинки и аккуратно отставил их в сторону. Он услышал, как женщина закрыла за ним дверь.

— Извиняюсь за грубость, — раздался её извиняющийся тон, когда она обошла его и вернулась в поле зрения. — Я Касуми Тачибана, мать Канадэ.

Честно говоря, Юдзуру ожидал этого. Сходство между Канадэ и её матерью было поразительным: от интенсивности этих глубоких золотистых глаз до бледной, нежно-фарфоровой кожи. Даже волосы, хотя и были длиннее, чем у Канадэ, имели тот же мерцающий платиновый оттенок и обрамляли её лицо. Её лёгкая, но тёплая улыбка создавала впечатление мягкой зрелости.

Юдзуру не считал себя лучшим в определении возраста человека, но, если бы ему пришлось угадывать, он бы не подумал, что она старше Канадэ более чем на двадцать лет — может быть, на двадцать пять, не больше. Это была разумная разница в возрасте для матери. Хотя, если бы ему не сказали, кто она такая, то он бы не подумал, что она его мать.

Тем не менее, Юдзуру почтительно поклонился ей:

— Извините, что вторгаюсь подобным образом. Я надеялся, что Канадэ будет здесь... Она не появилась на станции, и, естественно, я...

— Беспокоишься? — вмешалась она, её улыбка стала шире, но в то же время не утратила своего скромного понимания. — Да, она сказала, что ты милый, волнующийся человек. Она наверху, в своей комнате.

— Она... Правда? — Юдзуру был озадачен.

— Да, — его замешательство не осталось незамеченным Касуми. — Полагаю, я должна объяснить, почему. Я не знаю, рассказывала ли вам Канада когда-нибудь о своём состоянии здоровья?

Того, как расширились глаза Юдзуру, было достаточно, чтобы сказать ей, что он ничего не знает. Касуми не слишком удивилась тому, что её дочь до сих пор не рассказала ему об этом, хотя в последнее время они с Юдзуру проводили так много времени вместе. Не так-то просто было завязать разговор. Несмотря на спокойное выражение лица, которое обычно сопровождало Канаду в повседневной жизни, она была застенчивым человеком. По всей вероятности, она хотела поделиться более мелкими подробностями с Юдзуру, но просто не знала, как затронуть эту тему.

Касуми знала, что её дочь не будет возражать, если она расскажет Юдзуру о состоянии Канадэ, как бы он ни переживал. Судя по тому, что рассказала Канадэ о мальчике, и по его очевидному беспокойству, он был тем человеком, которому они могли доверять.

— У неё дыра в сердце. — Если раньше глаза Юдзуру были широко открыты, то теперь они, казалось, вот-вот лопнут. — Это всего лишь пустяки... — продолжала она успокаивать его. — Ничего такого, что угрожало бы её жизни. Она сказала мне, что ты учился на врача, и, возможно, разбираешься в тонкостях лучше, чем я.

Юдзуру не мог не признать, что в её словах прозвучало некоторое утешение. Но в то же время, когда его серьёзные опасения пошли на убыль, на смену им начало приходить другое чувство. Это было странное сочетание того же любопытства и желания помочь, которое всегда возникало, когда он думал о своей собственной сестре Хацунэ и её состоянии. Мысль о том, что, возможно, если бы он знал больше, у него было бы больше возможностей помочь.

Возможно, когда-нибудь эта же эмоция принесёт ему докторскую степень.

Всё это время, когда его опасения слегка улеглись, его мучило любопытство: — Это врождённое?

Касуми покачала головой, отчего по её волосам пробежали волны, которые так сильно напомнили ему о Канадэ: — Нет. Просто врождённый дефект. У меня этого никогда не было, как и у отца Канадэ.

Юдзуру медленно кивнул, принимая этот факт к сведению. Он не был до конца уверен, почему спросил об этом, и даже окажется ли эта информация когда-нибудь актуальной. Хотя он предположил, что это исключает несколько состояний, что бы это ни было, оно уже было в медицинской карте Канадэ — врачи, без сомнения, сделали бы для неё всё, что могли, после того, как она родилась. На что он мог надеяться, простой студент-врач?

Что ж, он мог быть рядом с Канадэ, когда бы она ни нуждалась в нём. Не в качестве врача, а как друг. Как человек, который глубоко о ней заботится. Это зажгло в нём новую решимость, желание заботиться о девушке-ангеле из его снов.

— Это всегда было у неё, — продолжила Касуми, выводя Юдзуру из задумчивости и возвращая к настоящему. — Но это не передаётся по наследству. Её никогда не сдерживало взросление, по крайней мере, само по себе. Но врачи всегда советовали нам по возможности избегать чрезмерного волнения. Слишком сильное напряжение могло бы повлиять на неё подобным образом, сделать её рассеянной и легкомысленной.

Это, несомненно, объясняло спокойную, ненавязчивую личность Канадэ, которую она всегда безмятежно демонстрировала окружающему миру. В сочетании с её природной робостью это всегда создавало успокаивающую ауру среди окружающих, и Юдзуру находил это довольно успокаивающим и исключительно милым.

— Судя по тому, как она говорила о тебе, я знала, что рано или поздно это произойдёт.

Волна вины, захлестнувшая молодого человека, не ускользнула от Касуми. Страдальческий взгляд в его глазах придал эмоциям физическую форму с поразительной интенсивностью, и на мгновение она пожалела, что позволила этим словам сорваться с губ.

— О, не волнуйся, Юдзуру, — она сделала всё возможное, чтобы попытаться как-то успокоить его. — Это не твоя вина. Мы обсуждали, что бы это значило, если бы у неё случился один из этих эпизодов. Она считает, что ты того стоишь, и я поддерживаю её решение.

Если быть честным, Юдзуру не был полностью уверен в том, что говорила ему мама Канадэ. Он чувствовал свою ответственность за происходящее, и ему казалось, что невежество не может быть достаточным оправданием для того, чтобы простить себя.

Возможно, Канадэ действительно считала, что риск для её здоровья, каким бы незначительным он ни был, оправдан. Из того, что он знал о ней, это казалось очень вероятным. Но даже если эти эпизоды казались неизбежными, возможно, небольшое предупреждение помогло бы ему поддержать её в этом случае.

Его ещё больше озадачило вот что: — Но мы же виделись каждый день в течение последних нескольких недель... — Юдзуру выразил свои мысли словами: — Почему сейчас?

Касуми пожала плечами. Это получилось более беспечно, чем она хотела. Но если опыт чему-то её и научил, так это тому, что такие вещи трудно предугадать, и они часто доставляют небольшой дискомфорт Канадэ и неудобства на несколько дней.

С другой стороны, она могла понять, как это выглядит со стороны — ведь к сердечным заболеваниям нельзя относиться легкомысленно. И она сочувствовала точке зрения Юдзуру. Когда Канадэ была младше, она сама думала так же. И сейчас она упорно сопротивлялась более сильным аспектам своего материнского инстинкта.

Если бы у неё было достаточно времени, она не сомневалась, что Юдзуру пришёл бы к тому же пониманию, что и она.

Однако в данный момент ей нужно было утешить его. Она сказала: — Вчера она всё повторяла, что ей нужно что-то тебе сказать сегодня. — Хотя Канадэ и не сказала ей, о чём именно, — Затем, прошлой ночью, ей поплохело и она больше не вставала с постели.

— Будет ли она... — начал Юдзуру, очевидно, всё ещё неспособный развеять более глубокие аспекты своих опасений.

— Не волнуйся, Юдзуру, — мягко вмешалась Касуми, пытаясь найти баланс между своим сочувствием к бедному мальчику и суровой решимостью, которая, как она знала, была необходима, чтобы донести до него сообщение: — Пара дней постельного режима, и она снова станет сама собой.

Облегчение, охватившее его, было почти ощутимым, и это вызвало искреннюю улыбку на губах Касуми. Возможно, потребуется не так много времени, как она думала, чтобы заставить его понять. Делиться знаниями было просто, но мудрость зачастую не спешила раскрываться.

— Итак... — он казался одновременно взволнованным и нетерпеливым, — Могу я увидеть её?

Касуми вынуждена была признать, что скромность Юдзуру говорила сама за себя. Если бы были какие-то сомнения в словах Канадэ том, что тот действительно был настоящим джентльменом, как в поведении, так и в своих намерениях, то это непроизвольное проявление чувств развеяло бы последние сомнения в его искренности. Ему не было безразлично. И ему было не просто небезразлично, а очень важно.

— Наверху. Предпоследняя дверь слева.

— Спасибо!

Рвение, с которым он повернулся и направился к лестнице, почти вызвало смех у Касуми, но это было сдержано её потребностью кратко предупредить Юдзуру: — Просто... Береги себя, Юдзуру. — Она предупредила, зная, что он услышал её слова, когда замедлил подъём: — Возможно, она немного бредит.

Юдзуру повернул голову ровно настолько, чтобы встретиться с ним взглядом и кивнуть, прежде чем взбежать по последней ступеньке и исчезнуть из виду.

Касуми улыбнулась, и никто, кроме неё, не услышал сдержанного вздоха.

Найти комнату Канадэ для Юдзуру оказалось легко, поскольку она была отмечена маленькой табличкой с именем, которая дежурила рядом с дверным косяком. На мгновение он подумал, не постучать ли в дверь, комок неожиданных нервов вызвал в нем сомнения и трепет, но решил просто выдержать их и вместо этого войти. Если бы он заколебался хотя бы на мгновение, то ни за что не смог бы сохранить мужество.

Дверь, к его большому удивлению, когда он попытался ее открыть, оказалась не заперта. Но тогда это имело смысл – мать Канадэ, без сомнения, регулярно проверяла ее, так что, конечно, дверь была не заперта.

В самой комнате было довольно темно по сравнению с коридором, без сомнения, шторы были задернуты, чтобы не пропускать свет и дать Канаде возможность выспаться, в чем она нуждалась. Глазам Юдзуру потребовалась секунда или две, чтобы привыкнуть, позволив ему увидеть комнату целиком. Это было удивительно непритязательное место. Половицы были голыми, хотя и покрытыми лаком, и дополняли монотонные яблочно-белые стены своим более темным контрастом. В стене напротив двери было единственное большое окно, поперек которого были задернуты плотные шторы бледного цвета, который он не мог точно определить в темноте – желтые они или белые. Может быть, просто пахта с чуть более желтой стороны?

Под окном стоял приличных размеров деревянный стол, на котором хватило места для настольного компьютера, и место, в настоящее время заваленное различными учебниками и блокнотами. Около дюжины книг стояли по стойке смирно аккуратным рядом там, где задняя стенка стола упиралась в стену прямо под окном, разобрать названия или авторов в темноте не получалось. Также была небольшая отдельно стоящая рамка для фотографии на краю, ближайшем к занятой односпальной кровати.

Это была настоящая кровать и матрас, а не футон, в комплекте с пуховым одеялом и балдахин. Хрупкую фигуру Канадэ было достаточно легко разглядеть под одеялом даже в такой темноте.

Юдзуру набрался смелости и вошёл в комнату. Он осторожно закрыл за собой дверь и тихо подошёл к столу, чтобы рассмотреть фотографию в рамке. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что на самом деле это двойная рамка для фотографий, разделенная на две отдельные половины сплошной вертикальной перегородкой. На одной стороне был рисунок лица, по-видимому, профессионально выгравированного и заштрихованного различными тонами графитового карандаша – он должен был признать, что это было удивительно похоже на его фотографию, – а на другой стороне маленькая фотография мужчины, женщины и ребенка, сидящих вместе.

Желание взять богато украшенную серебряную рамку и рассмотреть поближе было слишком сильным, чтобы устоять, и Юдзуру потребовалось всего мгновение, чтобы понять, что именно изображено на фотографии. На фотографии была изображена женщина, которая, несомненно, приходилась матерью Канадэ. Она широко и тепло улыбалась, глядя прямо в камеру. Мужчина, который обнимал её за плечи, словно желая защитить, также демонстрировал напряжённую, но искреннюю улыбку. Его глаза были поразительно ярко-лазурного цвета, хотя волосы были такими же белыми и яркими, как у дочери.

И там, между этими двумя, сидела маленькая девочка не старше четырех или пяти лет с выражением чистого восторга на лице. Платиновые локоны и мерцающую челку было невозможно спутать ни с чем, а искрящуюся улыбку, отраженную в этих золотистых глазах, он очень хорошо знал. Это была улыбка, которую могла носить только она, мимолетный взгляд в свою душу, который она позволяла себе только тем, с кем хотела поделиться своей радостью. С тех пор он ничуть не утратил своей невинности.

— Канада ... — он улыбнулся, глядя на маленькую фотографию. Счастье, бескомпромиссно чистый восторг, которые удалось передать одной маленькой фотографии, были поистине трогательными.

— Юдзуру? — Мягкий голос Канадэ сонно проласкал его уши, привлекая его внимание к занятой кровати. Даже в слабом свете затемненной комнаты он мог видеть нежное, отражающее мерцание ее полуоткрытых глаз.

Юдзуру не смог бы сдержать улыбку, появившуюся на его губах, даже если бы захотел, аккуратно ставя рамку с фотографией на место: — Привет, соня.

Юдзуру быстро огляделся, заметил стул, который шел к письменному столу, — регулируемое вращающееся офисное кресло, обитое чем-то вроде настоящей черной кожи, — и придвинул его к кровати Канадэ. Он осторожно примостился на краю, наклонившись вперед и положив руки на колени.

Канадэ сонно улыбнулась, когда снова посмотрела на Юдзуру из-под опущенных век. Она понимала, что он рядом, хотя и не вполне осознавала, что он делает. Её рука медленно потянулась к нему, словно она только что очнулась от сна.

Юдзуру неуверенно протянул руку и взял ее за свою, сомкнув большие пальцы вокруг ее маленьких и ободряюще сжав. Ее рука была слегка липкой, как будто у нее была лихорадка, но в то же время она была удивительно прохладной. Он собирался спросить ее, как она себя чувствует, когда, слегка зевнув и причмокнув губами, она поднесла его руку к своей щеке и попыталась перевернуться на другой бок.

Юдзуру наклонился вперед, потерял равновесие, и Канадэ, приложив для этого определенную силу, смогла затащить его к себе на кровать.

— Ух! — удивленно воскликнул он и протянул руку, чтобы сохранить равновесие и не упасть на неё. Ему с трудом удалось устоять на ногах, но в результате он почувствовал неприятное давление в запястье единственной свободной руки, которая теперь служила ему опорой.

Он сдержал смех, но смешок застрял у него в горле. Он понял, что у него остался только один вариант. Если бы он не двигался, его рука онемела бы в считанные минуты. А если бы он высвободил вторую руку, это бы точно разбудило Канадэ. Как бы сильно ему ни хотелось поговорить с ней прямо сейчас, он решил пережить эту ситуацию и позволить ей отдохнуть.

Кроме того, провести с ней немного времени вот так было бы совсем неплохо.

Юдзуру осторожно приподнялся на кровати, высвобождая поддерживающую его руку и поднимая ее, чтобы погладить девушку по волосам. Сладкий аромат, который приветствовал его, когда он был так близко к ней, был слегка цветочным, с оттенком специй и ладана.

Удобно устроившись, он закрыл глаза.

Всего на мгновение.

Касуми Тачибана никогда по-настоящему не считала себя не в форме. С другой стороны, она никогда не была фанаткой фитнеса, у нее не было определенного вида спорта, которым она любила заниматься, и никогда в жизни у нее не было абонеента в спортзал. Но, осторожно таща поднос с напитками вверх по лестнице – в комплекте с переполненным кувшином и бокалами, – пытаясь сохранить равновесие между собой и содержимым подноса, пытая всю дорогу, она начала серьезно задумываться.

Дело было не в том, что она не привыкла подниматься по лестнице, прожив в этом доме так долго. Вероятно, это было связано с тем, что последние десять минут она спешно занималась важными домашними делами на первом этаже, чтобы как можно быстрее увидеться с дочерью и её другом.

С тяжелым вздохом она наконец оказалась на площадке наверху лестницы, и ни капли не пролилось. В этом было что-то невероятно приятное.

Конечно, следующим препятствием стала дверь в комнату Канадэ. Ей удалось исполнить трюк, который был бы сложен даже для самых опытных акробатов. Она стояла на одной ноге, ненадёжно удерживая поднос одной рукой. Другой рукой она открыла дверь. Ей стало интересно, как официанты могут зарабатывать этим на жизнь.

— Хорошо, дети. — Она весело улыбнулась, входя в комнату: — Напитки за счет заведения. Не знала, чего бы вы хотели, поэтому принесла вам немного...

Она замолчала, когда окинула взглядом открывшееся ей зрелище. Канадэ, надежно укрытая своим пуховым одеялом, медленно и глубоко дышала в бессознательном покое. Юдзуру, лежа поверх одеяла, обнимал ее одной рукой, защищая, а сам слегка похрапывал.

Сладкая невинность всего этого вызвала у Касуми нежное чувство ностальгии.

— Я просто оставляю это здесь... — она ни к кому конкретно не обращалась, молча ставя поднос на стол. Ей потребовалось еще мгновение, чтобы поставить стул, стоявший у кровати, на его законное место под столом.

Выходя из комнаты, она лишь раз оглянулась, в последний раз окидывая взглядом Канадэ. Она была счастлива за Канаду, зная, какое счастье она, вероятно, найдет в объятиях этого молодого джентльмена.

Дверь бесшумно закрылась, и комната снова погрузилась в мирную темноту.

Примечание автора:

Прошу прощения, если вам показалось, что глава не очень интересная, а сюжет развивается медленно. На самом деле, я планировал включить в эту главу больше информации, но решил, что если добавлю всё сразу, она получится слишком длинной. Я не хотел рисковать и удалять какие-то части текста, чтобы не ухудшить его качество.

Поэтому в этой главе я сосредоточился на мыслях и чувствах Юдзуру. Надеюсь, мне удалось хорошо это сделать. Если бы у меня не получилось, вы бы мне сказали.

Также я захотел добавить в эту главу маму Канадэ. Изначально у меня не было таких планов, но когда я начал работать над книгой, то понял, что это может сделать сюжет более интересным. Я решил назвать её Касуми, что означает «туман».

В любом случае, надеюсь, вам понравилось. В этой истории ещё много интересного впереди!

<http://tl.rulate.ru/book/117653/4683157>